

О МИФОПОЭТИКЕ РАССКАЗОВ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА КОНЦА 30-Х – 40-Х ГГ.

СУЗАНСКАЯ Татьяна, доктор, конференциар
(Бэлцкий госуниверситет)

...Из тьмы земли поднялись к нему в гости растения и твари... («Афродита»)

1. Платонов поражает читателя редкостным сплавом литературы и мифа. Множественные связи творчества Платонова с мифологией, фольклорными и библейскими сюжетами давно отмечались учёными. Наиболее интересны исследования, раскрывающие особенности мифологического мироощущения писателя и его неповторимого индивидуального мифосозидания.

В произведениях Платонова изначально высвечивались вечные архетипические константы человеческого и природного бытия: ЗЕМЛЯ, ДОРОГА, ДОМ, МАТЬ, ОТЕЦ, РОД, КРОВЬ, ВОДА, ХЛЕБ, ДЕРЕВО, ДЕТСТВО, СТАРОСТЬ, ЛЮБОВЬ, ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ. На протяжении всего его творчества эти мифологемы были неизменными элементами индивидуально-авторского художественного космоса, в некотором смысле даже навязчивыми образами и мотивами, а в военных и детских (предназначенных, скорее, для взрослых) рассказах последнего десятилетия приобрели особенно сокровенный смысл и стали единственными опорами художника в изображении стихийного потока исторической и бытовой жизни.

2. Рассказ «Юшка», созданный в конце 30-х гг. и отклоненный от опубликования при жизни писателя, можно назвать соединительным звеном между произведениями 30-х гг., с одной стороны, и 40-50-х – с другой. В его мифологическом мире пустота и драма городской жизни героя резко противопоставлены красочному, яркому, живому загородному пейзажу: «В пути он дышал благоуханием трав и лесов, смотрел на белые облака, ...слушал голос рек... Он склонялся к земле и целовал цветы, ... он гладил кору на деревьях и подымал с тропинки бабочек и жуков, которые пали замертво, и долго всматривался в их лица, чувствуя себя без них осиротевшим. Но живые птицы пели в небе, стрекозы, жуки и работающие кузнечики издавали в траве весёлые звуки, и потому на душе у Юшки было легко, в грудь его входил сладкий воздух цветов, пахнувших влагой и солнечным светом». Образы и предметная детализация произведения организованы в особую художественную систему, все элементы которой несут на себе печать древней мифологии и религиозной мысли. Главный герой – бессребреник, праведник, отвергнутый окружающими, человек смиренномудрый и благородный, наделённый простотой речи и молчанием, а также абсолютной внутренней свободой. Детали его внешности: *босой / раздетый, с кровью на щеке и устах* – аллюзия *образа Христа*. Повтор слов *вода, хлеб, земля, дерево, кровь* несёт двойную функцию: во-первых, называет реалии окружающего и организует сюжет: *хозяин кормил его за работу хлебом; Юшка пил воду; дети кидали в него комья земли; надевал на плечи котомку с хлебом; склонялся к земле; гладил кору на деревьях; садился в тень подорожного дерева; земля там была сырая, её залила кровь Юшки; девушка припала к земле, в которой лежал мёртвый Юшка*. Во-вторых, данные повторы обретают высокую аксиологическую символику: вы-

двигают на первый план жизненно важные для автора и его героя ценности, неизменные знаки бытия, его мифическую первооснову, некий вечный биос: ХЛЕБ, ВОДА, ДЕРЕВО, КРОВЬ, ЗЕМЛЯ. *Земля* в данном случае – это и место обитания всех людей, и прах, из которого возникает всё живое, и материнское начало, и жизнь. *Дерево* – образ некоего мирового мифологического дерева: во-первых, оно, как и человек, имеет общие с ним жизненные фазы – рождения, развития, плодоношения, увядания и смерти, а во-вторых, является символом связи земли и неба [1]. Мифопоэтический смысл «Юшки» определяет и жанровую природу произведения: рассказ-притча, житие.

3. В военных рассказах Платонова мифологема *Земля* сопряжена с архетипом *Матери*. В русской культуре со времён двоеверия прослеживаются две линии материнского начала: языческий культ *матери сырой земли* и христианское почитание Богородицы. Языческий архетип манифестирует стихию, плодородие, стремление всех напоить и накормить, христианский – любовь, милосердие, сострадание [2]. Чёрное, рождающее лоно земли-кормилицы – один из ключевых образов платоновской мифологии. Его герои постоянно принимают к земле, углубляются в неё, отогреваются в ней, ищут у неё защиты, апеллируют к ней как к кормилице, прародительнице, дарующей жизнь. «Он вдруг приник к земле, но, когда смерть стала напевать над ним долгою очередью пуль, он вспомнил мать, родившую его». «Паршин и Цыбулько легли в уютную канаву у подножия откоса, поросшую мягкой травой, свернулись там по-детски и, согрившись собственным телом, сразу уснули» («Одухотворённые люди»). «Я отогрелся под землёю...» («Неодушевлённый враг»). Герой рассказа «Среди народа» Махонин идёт по деревне, чтобы из погребов и земляных щелей вызвать людей на свет. «...Он чувствовал в тот час особое сознание, похожее на сознание отца и матери, рождающих своих детей; спасённые... люди, таившиеся в рытой земле, открывали в майоре Махонине глубокую тихую радость, подобную, может быть, материнству...» В этом рассказе Платонов рисует один из своих самых сильных по эмоциональной напряжённости пейзажей: «...Снег улёгся в полях мирной пеленой, укрыв землю на долгий сон до весны. Но поверх снега стояли омертвевшие колосья некошеного хлеба, добрая рожь, родившаяся в то лето напрасно. Поникишие колосья, как забытые сироты, стояли в снегу...» Жители Малой Вереи «плакали по ней, словно видя в том свою страшную судьбу...» Это описание природы воспринимается как образ порушенного мироздания, мифиче-

ское представление об основах которого для человечества от века незыблемо.

В рассказе «Взыскание погибших» в антропоморфных образах рисуется космогоническая картина мира, преисполненная удивительным чувством горечи и нежности: «Осенние звёзды засветились на небе, точно, выплакавшись, там открылись удивлённые и добрые глаза, неподвижно всматривающиеся в тёмную землю, столь горестную и влекущую, что из жалости и мучительной привязанности никому нельзя отвести от неё взора». Таинственная связь *Земли и Неба* – одна из самых глубинных как в древнем мифологическом сознании, так и в мифопоэтике писателя.

4. Детские рассказы Платонова «не случайно возникают как точка в финале его пути», отмечает исследователь Н.Г. Полтавцева. «Некому, кроме ребёнка, передать человечеству свои мечты и стремления... И потому дитя – владыка человечества...» - писал он в статье «Душа мира». «Дети и чудачки, «ороды», культурные маргиналы... являются в прозе Платонова залогом «сердечности», «одухотворённой человечности» будущего» [3]. Детское сознание сродни мифологическому. Через чистый и добрый детский взгляд на мир Платонов воплощал самые заветные свои мысли. Пятилетнему Никите из одноимённого рассказа солнце кажется похожим на умершего дедушку, бабушка для него не умерла, а превратилась в баньку и живёт на луне, «пастух не захотел быть мёртвым и стал петухом», в цветке мальчик видит «человеческое выражение» и т.д. В ребёнке оживают анимистические представления предков, желание населить окружающее душами умерших [4]. Вернувшийся с войны отец говорит сыну: «Это ты хочешь всех сделать живыми, потому что у тебя доброе сердце». Смысл этого рассказа связан не только с мифологией, но и с философскими идеями Николая Фёдорова о воскрешении умерших силой любви к ним живущих.

Резюме

Мифотворчество Платонова не связано прямо с мифом как приёмом искусства. Его поэтика отличается индивидуально-авторским мироощущением и направлена на созидание уникального мифологического представления о мире и человеке.

Примечания

1. Дмитровская М.А. Образная параллель «человек – дерево» у А. Платонова. // Творчество Андрея Платонова. Исследования и материалы. Кн. 2, СПб., 2000, с. 26.
2. Гюнтер Х. Поющая Родина. Советская массовая песня как выражение архетипа матери// "Вопросы литературы", 1997, № 4, с. 52.
3. Полтавцева Н.Г. Текст и интертекст в детских рассказах А. Платонова 50-х годов. // Творчество Андрея Платонова. Кн. 2, СПб., 2000, с. 64.
4. Семёнова С.Г. Преодоление трагедии. – М., 1989, с.352.